

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

А.М. Певнов

О некоторых тунгусо-маньчжурских грамматических реликтах в чжурчжэньском языке

Чжурчжэньское письмо, точнее, так называемое малое чжурчжэньское письмо представлено эпиграфикой XII–XV вв. на северо-востоке Китая, в южной части Приморского края, а также в низовьях реки Амур (Тырская стела-трилингва, находящаяся ныне во Владивостоке). «Малое» чжурчжэньское письмо (о «большом» почти ничего не известно, поэтому далее в статье будет просто «чжурчжэньское письмо») стало привлекать к себе внимание после того, как В. Грубе опубликовал в Германии в 1896 г. китайско-чжурчжэньский словарь, относящийся к средневековой серии «Хуа и и-юй».

Манерой начертания графем (в целом их было несколько больше тысячи) чжурчжэньское письмо весьма похоже на китайскую иероглифику, однако в типологическом плане напоминает, на мой взгляд, египетское, шумерское, майя, японское и т.д.

Почти все работы, касающиеся чжурчжэньского языка, основаны на интерпретации китайской средневековой иероглифической транскрипции, нередко весьма условно передающей звучание чжурчжэньских графем и записываемых ими слов¹. Л. Лигети в своих статьях² продемонстрировал возможность проверки звучания некоторых чжурчжэньских графем на примере относительно небольшого количества чжурчжэньских слов.

Для тунгусо-маньчжурской компаративистики имеющий надежное чтение чжурчжэньский материал вполне сопоставим с ценностью старописьменных монгольских или древнетюркских данных для сравнительного анализа соот-

---

¹ См.: Kiyose 1977; Jin Guangping, Jin Qizong 1980; Jin Qizong 1984; Kane 1989; и др.

² Ligeti 1953, 1961.

ветствующих языков. Понятно поэтому, насколько важно для сравнительно-исторического изучения тунгусо-маньчжурских языков получение информации о чжурчжэньском на основе именно письменности, а не только интерпретации китайской транскрипции. Чтение чжурчжэньских писем дает уникальную возможность заглянуть в реальную, а не гипотетическую тунгусо-маньчжурскую языковую историю «на глубину», исчисляемую примерно семью столетиями.

Вероятно, чжурчжэньский был первым тунгусо-маньчжурским языком, который обрел свое письмо, причем самобытное, очень сложное и не применявшееся более ни к какому другому языку. Письмо чжурчжэней — одна из тех графических систем, которые не стали интернациональными. Со временем письмо чжурчжэней было забыто; язык, зафиксированный этим письмом, постепенно подвергся замене другими (прежде всего китайским), сам же чжурчжэньский этнос утратил свое «я» и продолжил существование уже в других народах — в первую очередь в маньчжурах.

Итак, особенностью чжурчжэньского письма является то, что фактически оно было создано только для одного языка — чжурчжэньского. По-видимому, маньчжурский текст в принципе можно записать при помощи чжурчжэньского письма — дело здесь не только в особой генетической близости чжурчжэньского и маньчжурского языков, но и в значительном сходстве их фонотактики. Тексты на эвенкийском и уж тем более на эвенском языках, несмотря на их относительно близкое родство с чжурчжэньским, невозможно записать при помощи чжурчжэньских графем, поскольку фонотактика этих языков различается весьма существенно. В этой жесткой привязанности системы письма к определенной фонотактике и кроется одна из причин недолговечности чжурчжэньского письма (им пользовались с XII в. по XV). Для письменности так же губительна «привязанность» к одному конкретному языку, как для языка «привязанность» к одной конкретной традиционной культуре — в первом случае с уходом языка неминуемо выходит из употребления и обслуживавшая его, исключительно для него созданная письменность; во втором случае с исчезновением конкретной традиционной культуры, как правило, уходит в небытие и обслуживавший ее язык. Разумеется, и у «письменности для одного языка», и у «языка определенной традиционной культуры» есть шанс выжить, однако для этого необходимы существенные изменения, заключающиеся в первом случае в приспособлении к иной фонотактике, а во втором случае в адаптации к новой, нередко более высокой в определенном отношении культуре. Иначе говоря, для письма идеалом является фонотактическая универсальность (это и есть алфавит), а идеалом для языка следует считать его способность обслуживать любую культуру — как традиционную, так и культуру индустриального и постиндустриального общества.

В типологическом отношении чжурчжэньское письмо было смешанным — в нем использовались как «**сигнограммы**» (сигнограммой я называю письменный знак, передающий языковой знак), так и **фонограммы** (в основном сил-

лабограммы). Сигнограммами обычно записывались знаки, имеющие лексическое значение. Последовательностью фонограмм чжурчжэни иногда передавали все слово целиком, большей же частью фонограммами записывались аффиксы. Нередко чжурчжэньские фонограммы использовались для «подтверждения» чтения финальной части языкового знака, передаваемого сигнограммой (иначе такие «подтверждения» называются фонетическими комплементами).

Первые в истории человечества системы письма были смешанными — сигнофонографическими; возникли они примерно пять тысяч лет назад в Египте и Месопотамии. Такие смешанные системы письма, как японское, до недавнего прошлого корейское³, киданьское, чжурчжэньское, являются образцами, так сказать, рецидивной сигнофонографии. Смешанный характер этих относительно поздних дальневосточных систем письма был обусловлен стремлением применить китайскую (или «квазикитайскую») сигнографию для записи текстов на языках с совершенно не подходящей для сигнографии структурой. Иными словами, дальневосточная «рецидивная сигнофонография» представляет собой более или менее удачную попытку приспособить китайскую систему письма (графема совпадает с морфемой, которая совпадает со слогом) к передаче текстов на языках алтайского типа (корень + аффиксы, причем морфема необязательно совпадает со слогом).

Дешифровка самых разных исторических смешанных систем письма имеет, на мой взгляд, один общий результат, который можно было бы назвать «смешанным чтением». Такое чтение предполагает наличие фоноверифицированного чтения у одних графем и реконструированного — у других. Особенностью дешифровки чжурчжэньского письма является то, что при невозможности фоноверифицировать или реконструировать чтение какой-либо графемы на помощь приходит (при всем ее несовершенстве) китайская средневековая иероглифическая транскрипция чжурчжэньских слов («китайское чтение»). Таким образом, чтение в пределах слова (словоформы) часто бывает неоднородным в отношении надежности. Смешанное чтение чжурчжэньских писем имеет три градации: фоноверифицированное чтение, реконструированное чтение и «китайское чтение» (они перечислены по мере убывания надежности).

Смешанное чтение чжурчжэньских графем целесообразно передавать при помощи заглавных и строчных букв кириллицы, а также строчными буквами латиницы. Например, в словоформе *ДЭКдэвита* 'посылать дары, делать приношения (букв.: поднимать)' курсивом заглавными буквами кириллицы (*ДЭК*) обозначается реконструированное чтение (используемое в том случае, когда невозможна фоноверификация), курсивом строчными буквами кириллицы (*дэ*) передается фоноверифицированное чтение, латиницей (но не курсивом —

³ В настоящее время в Южной Корее китайские иероглифы (*ханчча*) используются главным образом в научной литературе и в газетах для записи лексических единиц китайского происхождения. В Северной Корее перешли на алфавитную систему письма (*хангыль*).

bima) обозначается китайское чтение, которое представляет собой передаваемое китайским фонетическим алфавитом современное чтение иероглифов, использовавшихся для транскрибирования чжурчжэньских слов в «Хуа-и и-юй» (а точнее, в «Нюйчжэнь и-юй»).

Первым стал передавать звучание чжурчжэньских слов смешанным способом с использованием заглавных и строчных букв латинского алфавита Л. Лигети. В статье, посвященной чжурчжэньской записи буддийской сакральной формулы на Тырской стеле, а фактически чтению нескольких десятков чжурчжэньских слов, Л. Лигети дает, например, такие чтения, как *XOTO-o-ni* (= *XOTO-ni*), *EMU-ni*, *DORO-o-bo* (= *DORO-bo*)⁴.

Краткое изложение принципов чжурчжэньского письма и его дешифровки необходимо в данной статье хотя бы для того, чтобы читателя не удивляла необычность записи примеров на чжурчжэньском языке.

Кроме того, целесообразно охарактеризовать генетические отношения внутри тунгусо-маньчжурской языковой семьи и, в частности, отношение чжурчжэньского языка к маньчжурскому.

К тунгусо-маньчжурской языковой семье принадлежат чжурчжэньский (он перестал существовать несколько веков назад), маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский (уильта), удэгейский, ороцкий, негидальский, солонский, эвенкийский и эвенский. Возможно, самостоятельными языками являются (являлись) арманский (близкий к эвенскому), кур-урмийский, или кили (вероятно, смешанный язык: нанайский + эвенкийский), а также близкий к маньчжурскому сибинский.

Вероятно, первоначальная дивергенция тунгусо-маньчжурских языков началась примерно две тысячи лет назад в Среднем Приамурье (см. [Певнов 2008]). В настоящее время тунгусо-маньчжурская языковая история представляется мне следующим образом: первым от праязыка отделился предок чжурчжэньского и маньчжурского языков; вторым от оставшегося «постпраязыкового» диалектного континуума обособился предок нанайского, ульчского и орокского языков; третьим от уже «постпостпраязыкового» диалектного континуума отделился предок ороцкого и удэгейского языков; то, что осталось — это предок эвенкийского, солонского, негидальского и эвенского языков. Если такая модель дивергенции тунгусо-маньчжурских языков верна, то лингвистически максимально удаленными друг от друга должны быть, с одной стороны, чжурчжэньско-маньчжурская ветвь, а с другой — языки так называемой северной ветви (негидальский, солонский, эвенкийский и эвенский). Факты этому не противоречат, хотя общая картина значительно усложняется из-за имевших место длительных и весьма глубоких контактов родственных между собой языков: маньчжурского с предком нанайского, ульчского и орокского, а также языков ороцкого-удэгейской ветви с языками нанайско-ульчско-орокской ветви. Все четыре ветви тунгусо-маньчжурской языковой общности по-своему архаичны и по-своему инновационны (кстати, первым деление тунгусо-маньчжурских языков на четы-

⁴ См.: Ligeti 1961, с. 16, 17, 18.

ре группы, причем с таким же распределением языков по этим группам, предложил Дз. Икегами⁵. При этом в одном и том же языке архаичность прекрасно уживается с инновационностью; складывается даже впечатление, что, чем ярче архаичность, тем сильнее инновационность некоторых тунгусо-маньчжурских языков. Это касается прежде всего чжурчжэньского и маньчжурского, предок которых самым первым отделился от праязыка, а также эвенского, обособившегося одним из последних от «постпостпраязыкового» диалектного континуума.

Отношения между чжурчжэньским и маньчжурским языками оценивались по-разному. Так, Н. Поппе писал: «Чжурчжэньский близок к маньчжурскому, и (его) можно рассматривать как староманьчжурский или как диалект языка, другим диалектом которого был староманьчжурский»⁶. В более поздней работе Н. Поппе читаем примерно то же: «Чжурчжэньский является языком очень близким к маньчжурскому и может рассматриваться либо как ранняя форма маньчжурского, либо как диалект, очень близкий к старому маньчжурскому»⁷. Сходного мнения по поводу взаимной близости этих идиомов придерживался Л. Лигети: «...в конечном счете маньчжурский должен считаться одним из диалектов чжурчжэньского»⁸. Иную точку зрения высказал в начале XX в. Б. Лауфер: «Часто повторяемое утверждение о том, что маньчжуры являются потомками чжурчжэней, совершенно необоснованно и бездоказательно. Все, что позволяют сказать наши скромные знания о чжурчжэнях, — это то, что оба языка связаны тесным родством и, вероятно, представляют родство по одной и той же родословной линии, но не то, что один исторически развился из другого»⁹ (подчеркнуто мной. — *А.П.*).

Разумеется, в тунгусо-маньчжурской языковой семье к чжурчжэньскому ближе, чем какой-либо иной, стоит маньчжурский. То, что мы наблюдаем в исторической фонетике обоих языков, скорее напоминает прямое наследование (чжурчжэньский → маньчжурский). Лексика (как и синтаксис) в этом отношении вряд ли может быть надежным источником, к тому же и лексика, и синтаксис чжурчжэньского языка известны совершенно недостаточно для сопоставления с маньчжурским. Что же касается морфологии, то некоторые существенные различия между чжурчжэньским и маньчжурским (в данной статье речь будет идти, в частности, и о таких различиях) свидетельствуют о том, что это разные языки, которые восходят к общему языку-предку (чжурчжэньско-маньчжурскому). Следует уточнить, что такие различия в морфологии не могли возникнуть за те несколько столетий, которые отделяют маньчжурский от чжурчжэньского, особенно позднечжурчжэньский (XV–XVI вв.) от раннеманьчжурского (XVII–XVIII вв.).

⁵ См.: Ikegami 2001, с. 395.

⁶ Poppe 1965, с. 28.

⁷ Там же, с. 30.

⁸ Ligeti 1960, с. 231.

⁹ Laufer 1908, с. 45.

Данная работа посвящена описанию некоторых особенностей чжурчжэньской морфологии. В тунгусо-маньчжурской языковой семье эти особенности представлены в основном в чжурчжэньском или в чжурчжэньском и маньчжурском.

И. Одной из самых интересных форм чжурчжэньского языка является глагольная форма на *-p*; этот аффикс передается графемой ㄗ. Верифицированное мной именно такое чтение графемы ㄗ существенно отличается от китайской транскрипции (кит. *lu, лу*)¹⁰. Цзинь Гуан-пин и Цзинь Ци-цзун (а также Г. Киёса) читают чжурчжэньскую графему ㄗ как *пу*, Х. Ямадзи читает ее как *лу*¹¹.

Чтение *p* (а не *пу* или *лу*) может быть подтверждено следующим образом: в чжурчжэньском тексте Тырской стелы встречается средневековый топоним 仄ㄗㄗ¹². В соответствии с китайской транскрипцией в «Хуа-и и-юй» это слово следует читать как *pu-lu-e* (современное чтение китайских иероглифов, использовавшихся для транскрипции этого топонима). Однако в действительности китайская транскрипция *pu-lu-e* весьма далека от подлинного чтения соответствующего чжурчжэньского слова. Топоним 仄ㄗㄗ встречается в чжурчжэньском тексте Тырской стелы шесть раз (строки 1, 3, 6, 9, 10, 15); в монгольском тексте Тырской стелы этот топоним выступает в несколько иной форме: *nurget*¹³, в китайском тексте Тырской стелы (1413 г.) этот топоним читается как *nurgan* (奴兒干 *nu er gan*)¹⁴.

Если учитывать монгольскую и китайскую формы этого топонима (*nurget* и *nu-er-gan = nurgan*), мы несомненно придем к выводу о том, что соответствующее чжурчжэньское слово должно читаться как *nurɣe* (пографемное чтение этого слова: 仄 *nu* — ㄗ *r* — ㄗ *ɣe*). Таким образом, чжурчжэньская графема ㄗ безусловно читается как *p*. Кстати, ни одна другая чжурчжэньская графема не читается как изолированный согласный звук (в данном случае *p*): все чтения чжурчжэньских графем представляют собой либо открытый слог (*a, ру, ти, мэи, ло* и т.д.), либо закрытый (*ам, ан, эн, ил, эл, ур, ун* и т.д.), либо замкнутый (*хан, сур, сол, мау* и т.д.), либо даже сочетание двух слогов (*ара, ира, ура, бурэ, али*).

Чжурчжэньская глагольная форма на *-p* (ㄗ) является причастием¹⁵, поскольку она может функционировать не только в качестве конечного пре-

¹⁰ См.: Певнов 2004, с. 181.

¹¹ См.: Jin Qizong 1984, с. 20–21.

¹² Этим чжурчжэньским словом называли, по крайней мере, Нижнее Приамурье (см. [Головачев и др. 2011: 55, 276]).

¹³ См.: Головачев и др. 2011, с. 126.

¹⁴ Там же, с. 60.

¹⁵ Кстати, для дополнительной верификации чтения графемы ㄗ используется то, что можно было бы назвать альтернативным написанием: причастный показатель *-p* имеется в фонoverифицируемом чтении словоформ *жал-лу-ур = жалур* 'полный, являющийся полным' (причастие прошедшего времени: *жал-лу-ха = жалуха*), *тум-му-ур = тумур* 'погружающийся; погрязающий (в пьянстве)', *БАНДИ-ру-ур = БАНДИрур* 'живущий', *шигар* 'смотрящий, наблюдающий' (в устойчивом словосочетании *ОШИХА шигар* 'предсказатель, провидец, пророк (букв.: смотрящий на звезды, наблюдающий за звездами)'). Как видим, показатель причастия может передаваться на письме либо «один к одному» (ㄗ = *p*), либо при помощи некоторых графем (в частности, 𐰉 и 𐰊), чтение которых имеет конечный звук *p* (соответственно *ур* и *гар*).

диката, но также в роли атрибута и объекта, сохраняя при этом глагольное управление. Иллюстрацией того, что форму на *-р* следует квалифицировать как причастие, могут быть несколько фрагментов чжурчжэньского текста Тырской стелы; текст этот и по содержанию, и по объему весьма близок к монгольскому, выгравированному на той же стороне стелы, что и чжурчжэньский. Более полный китайский текст выгравирован на другой стороне этого памятника, установленного посланцами китайского императора в 1413 г. на высоком красивом утесе примерно в ста километрах выше устья Амура.

Существенное сходство чжурчжэньского и монгольского текстов Тырской стелы позволяет более точно понять первый (в частности, уточнить грамматическое значение некоторых глагольных словоформ). Сходство это в целом настолько велико, что можно даже глоссировать оба текста не порознь, а вместе, т.е. перед нами открывается уникальная возможность привести «коглоссинг» — единое глоссирование двух семантически и грамматически аналогичных или довольно близких текстов или их фрагментов. Приведу несколько примеров (сначала идет чжурчжэньский текст, а под ним — монгольский)¹⁶:

ДОНДИ-чи АБУКА дэүэ б'е-мэи ГЭНГ'эн □¹⁷ ДОР-ба ДАШИ-мэи diandэ-р
sonos-basu tngri ün(dü)g bǎ'ge-tele gegegen ʎ(aʃa)g oron-i bürkü-(n) čid(a-qu)
слышать-CVB небо верх¹⁸ быть-CVB свет земля¹⁹-ACC покрыть-CVB мочь-PTCP

‘Если послушать [что говорят], то [хотя] небо [и] высоко, свет [его] может накрыть землю’²⁰.

гилэми УДИүэн АБУКА-и ПЭҗилэ таипиү-бэ ДОНДИ-б'э КЭНкэлэ-мэи нэДУ-р
gilemi üdigen tngri-yin दौरа таибинг-и sonos-ču m(ü)rgü-n od-ču
нихви удигэны небо-GEN под мир-ACC слышать-CVB кланяться-CVB идти(?)—PTCP²¹

¹⁶ CVB = converb (деепричастие), ACC = accusative (винительный падеж), PTCP = participle (причастие), SBVZ = substantivizer (субстантиватор), REF = reflexive-possessive (возвратное притяжание (‘свой, свои...’)).

¹⁷ Знак □ указывает на то, что находящаяся в данном месте текста графема не читается.

¹⁸ Монг. *üdüür* означает ‘высокий’.

¹⁹ Головачев и др. 2011, с. 178, 180-181, 191. Чжурчжэньское слово □ДОР предположительно означает ‘земля’. Монгольское парное слово ʎ(aʃa)g oron означает ‘страна’.

²⁰ Возможен и такой перевод: ‘Если послушать [что говорят], то на небе имеющийся свет землю накрыть может’. Такой перевод предполагает, что *дэүэ* ‘верх’ является здесь послелогом (АБУКА *дэүэ* ‘на небе’, букв. ‘небо верх’, ср. кит. 天上 *tiān shàng* ‘на небе’, букв. ‘небо верх’). Что касается деепричастия на *-маи/-мэи*, то иногда в чжурчжэньских текстах оно выступает в качестве атрибута (*б'э-мэи* ‘находясь, находящийся’); то же самое возможно и в маньчжурском языке: «В порядке единичных исключений одновременные деепричастия встречаются еще в одной необычной для них функции — атрибутивной» [Авrorин 2000, с. 202].

²¹ В монгольском тексте здесь не причастие, а деепричастие (CVB), причем лексическим его значением является ‘отправляться’.

‘Гилэми²² и удигэны²³, услышав о том, что в Поднебесной [воцарился] мир, шли [?] на поклон [к императору]’.

... ХУсун бу-р-бэ ...
 ... küčün ög-kü-i-ben ...
 ... сила дать-PTCP-ACC (монг.: дать-PTCP-SBVZ-REF) ...

‘... сделать всё возможное (буквально: ‘отдать (свои) силы’) ...’²⁴.

Как видим, в двух случаях чжурчжэньская форма на *-р* соответствует монгольскому причастию на *-qu/-kü* (*dianдэ-р — čid(a-qu)*; *бу-р-бэ — ög-kü-i-ben*), а в одном случае — монгольскому деепричастию на *-čul/-čü* (*ҺэДУ-р — od-čü*).

Временное значение причастия на *-р* может быть проиллюстрировано противопоставлением следующих форм чжурчжэньского глагола *žalu-* ‘наполнить, наполнять’: *žaluxa* (*žal-lu-xa = žaluxa*) («Нюйчжэнь и-юй с письменностью») и *žalur* (*žal-lu-ur = žalur*) (стела Нюйчжэнь *цзиньши тимин бэй*). Первая словоформа (*žaluxa*) представляет собой причастие прошедшего времени, вторая (*žalur*) — причастие настоящего (настояще-будущего?) времени.

Чжурчжэньский причастный показатель *-р* не имеет прямых соответствий в современных тунгусо-маньчжурских языках. Есть, правда, в бикинском (уссурийском) нанайском глагольная форма на *-р*, напоминающая чжурчжэньское причастие на *-р* (см. об этом дальше).

²² Имеются в виду, несомненно, нивхи. Сами нивхи себя вроде бы не называли *гилэми*, т.е. это, по всей вероятности, аллоэтноним, сохранившийся до нашего времени, например, в языке орочей (*гилэми* ‘нивх’ [Аврорин, Лебедева 1978, с. 173]); автоэтнонимом нивхов является *нивх-гу* ‘люди’ (в 1998 г. Ч.М. Таксами сказал мне о том, что существует более полный и более точный вариант этого этнонима — *мер нивх-гу* ‘наши (инклюзив) люди’). Слово *гилэми* поддается историческому членению — путем сравнения с употребляемым эвенками и негидальцами названием нивхов *гилэжэ* (> русск. *гиляк*) выделяется корень *гилэ*.

²³ Возможно, «удигэнами» (чж. *УДИгэнь*, монг. *üdigen*) называли во время династии Мин (1368–1644) тунгусо-маньчжуроязычное население Приамурья; скорее всего, чжурчжэни осознавали своё, по крайней мере, языковое родство с этим населением, что подтверждается наличием в «несловарной» части «Нюйчжэнь и-юй» словосочетания *ŽURČEN УДИгэнь Н’АРМА* ‘чжурчжэньские дикие люди’, свидетельствующего о том, что во время династии Мин среди *УДИгэнь Н’АРМА*, т.е. «диких», нецивилизованных людей, числились как некоторые северные чжурчжэни, так и нечжурчжэни, при этом среди последних были, вероятно, предки ульчей и нанайцев. Можно предположить монгольское происхождение чжурчжэньского слова *УДИгэнь* ‘дикий’, ср. письм.-монг. *ködege(n)* ‘открытая степь, сельская местность’ [Певнов 2004, с. 144–145]. Думаю, что в маньчжурском языке чжурчжэньскому *УДИгэнь* ‘дикий’ соответствует слово *вэži* (< *уži < *уди), одним из значений которого является ‘дремучие леса’ (т.е. для монгола *дикая* местность — это степь, а для маньчжура — дремучий лес). Вполне вероятно, что чжурчжэньское слово *УДИгэнь* стало самоназванием удэгейцев: уд. *удизэ* ~ *удихэ* < *удихэ < *удизэ < чж. *удигэ-сэ ‘дикие’ (возможность оформления чжурчжэньских прилагательных показателем множественного числа подтверждается наличием чжурчжэньской словоформы *дигэ-са* ‘близкие’).

²⁴ Чжурчжэньское словосочетание *ХУсун бурбэ* и монгольское *küčün ögküiben* выступают в предложении в роли прямого объекта, что маркируется соответствующими аффиксами (в первом случае это показатель винительного падежа, во втором — показатель возвратного притяжания).

Возможно, причастие на *-р* было когда-то в маньчжурском языке (точнее, в праманьчжурском), однако со временем оно вполне могло бесследно исчезнуть, поскольку в этом языке на определенном этапе его развития действовал закон устранения звука *р* в абсолютном исходе слова: ср. эвенк. *саңār* 'дыра', нан. *саңгар* 'дыра', маньчж. *саңга* 'дыра', эвенк. *дār* 'маховая сажень', нан. *дар* 'маховая сажень', маньчж. *да* 'маховая сажень', эвенк. *жūr* 'два', нан. *жүэр* 'два', маньчж. *жүэ* (на письме *жүвэ*) 'два'²⁵ (следует, правда, иметь в виду, что во всех приведенных В.И. Цинциус маньчжурских примерах звук *р* исчез в исходе слова или после исторически долгого гласного, или после дифтонга).

Не исключено, что причастный аффикс *-р* мог сохраниться в виде *-ру*²⁶ в маньчжурских ругательствах типа *эймэ-бу-ру* (*эймэ-бу-* 'возбуждать презрение', *эймэ-* 'презирать') 'негодяй, мерзавец'; *уб'а-бу-ру*, *уб'а-бу-рэ(?)о* (*уб'а-бу-* 'внушать отвращение, возбуждать презрение') 'мерзавец, негодяй'; *мајла-рэ(?)о* ~ *мајла-ру* (*мајла-* 'заражаться') 'Чтоб тебя черная немочь взяла!'; *фусихула-ру* (*фусихула-* 'унижать') 'негодяй, подлец, низкая тварь'; *ф'ару-на-ра-ңгэ* ~ *ф'ару-на-ха-ңгэ* ~ *ф'ару-на-ру* (*ф'ару-на-* 'заводиться червям в вяленом мясе', *ф'ару* 'червь, заводящийся в вяленом мясе') 'червивый', 'Чтоб тебя черви съели!'. Следующий пример не является ругательством: *сүјсиру* ~ *сүј иси-ру* 'бедовый' (такой перевод дается в словаре²⁷. — А.П.); *сүјси-* ~ *сүј иси-* 'провиниться, попасть в беду'; *сүј* 'преступление, грех, вина; беда', *иси-* 'доходить, достигать'. Весьма интересна маньчжурская формула *Абка са-ру* (*абка* 'небо', *са-* 'знать' 'Да знает небо!', 'Бог знает!', 'Бог свидетель! (в клятвах)', 'Чтоб тебя черная немочь взяла! (в ругательствах)',²⁸.

Маньчжурские примеры такого рода приведены в работе Дз. Икегами, однако интерпретируются они иначе — как древние формы императива²⁹.

Чжурчжэньский причастный показатель *-р* представляется весьма интересным с этимологической точки зрения: по-видимому, он дает возможность объяснить происхождение некоторых глагольных аффиксов тунгусо-маньчжурских языков. Имеются в виду следующие аффиксы:

1) Показатель настоящего времени (условно настоящего) **-pa/-pэ/-po* — рефлексы его представлены не во всех тунгусо-маньчжурских языках; интересно, что общетунгусо-маньчжурским маркером глагольного коннегатива также является **-pa/-pэ/-po*, при этом совпадение действительно полное, так как в «неправильных глаголах» алломорфы аффикса настоящего времени совпадают с алломорфами показателя глагольного коннегатива, ср., напр., эвенк.:

²⁵ См.: Цинциус 1949, с. 245–246.

²⁶ В абсолютном исходе маньчжурских слов звук *р* исчез (об этом речь шла выше), сохранился он в этой позиции в основном в образных словах. Следует отметить, что в заимствованном, очевидно, из монгольского языка маньчжурском слове *багуру* 'богатырь, герой' (монг.-письм. *bayatur* 'богатырь', др.-тюрк. *batur* 'богатырь, герой') конечный *р* сохранился благодаря тому, что он был «прикрыт» эпентезой — гласным *у*. Возможно, аналогичное «прикрытие» сохранило маньчжурский *р* в исходе «формульных слов» (в основном ругательств, «злопожеланий»).

²⁷ См.: Полный маньчжурско-русский словарь 1875, с. 632.

²⁸ Там же, с. 24, 59, 149, 632, 862, 1077, 1098.

²⁹ См.: Ikegami 1999a, с. 282.

<i>бака-ра-н</i> 'нашел'	<i>э-чэ-н бака-ра</i> ³⁰ '(он/она) не нашел (не нашла)'
<i>би-си-н</i> 'есть (связка)'	<i>э-чэ-н би-си</i> '(он/она) не есть (связка)'
<i>о-да-н</i> 'стал'	<i>э-чэ-н о-да</i> '(он/а) не стал(а)'

2) Показатель причастия настоящего (настояще-будущего) времени **-рй̄*, рефлексы его есть во всех тунгусо-маньчжурских языках (в чжурчжэньском и маньчжурском показатель причастия настоящего-будущего времени *-ра/-рэ/-ро* восходит к **-рй̄*³¹, ср. аналогичный звуковой переход в маньчжурском деепричастном аффиксе *-мэ* (< **-мй̄*), а также в аффиксе *-һгэ* (как, например, в слове *миниһгэ* 'мой (англ. *mine*)') < **-һгй̄*³².

По поводу происхождения аффикса нанайского причастия настоящего-будущего времени В.А. Аврорин пишет: «Не лишено серьезных оснований сделанное Т.И. Петровой предположение, что первоначально суффикс *-й̄ ~ -ри ~ ди ~ чи* был составным и включал в себя компоненты *-ра/-рэ + -и* [-рай]/[-рэи], из которых путем обычной монофтонгизации дифтонгов и образовался современный неразложимый суффикс настоящего-будущего времени»³³. Возможно, конечно, и такое объяснение, однако оно остается на уровне гипотезы, поскольку непонятно, что представлял собой элемент *-и*.

3) Показатель деепричастия предшествующего действия³⁴ **-рā/-рē* (нанайский, ульчский, орокский языки; ср. также негидальский аффикс деепричастия предшествующего действия *-jān/-jēn/-jōn* (< **-рā + -н / *-рē + -н / *-рō + -н*)).

4) Показатель императива 2-го л. ед. ч. **-ру* (один из алломорфов)³⁵ (нанайский, ульчский, орокский языки).

Приведу цитату из нанайской грамматики В.А. Аврорина: «Разбор форм для вторых лиц начнем с ближайшего будущего времени. В единственном числе эти формы состоят из двух обязательных морфем: основы и суффикса повелительного наклонения для вторых лиц, который имеет два основных варианта — *-ро/-ру* для основ первого и второго типов и *-до/-ду* для основ третьего и четвертого типов. По своим согласным звукам эти суффиксы, как уже отмечалось, совпадают с суффиксами настоящего-будущего времени причастий, настоящего времени глаголов утвердительного наклонения, инфинитивной отрицательной формы и одновременного деепричастия. Различие ограничивается гласными звуками: у суффикса повелительного наклонения — гласный [о]/[у], а у прочих сходных с ним суффиксов — гласные [и], [а]/[э]»³⁶.

³⁰ Отрицательные аналитические формы эвенкийских глаголов приведены по работе [Константинова 1964, с. 194].

³¹ В солонском языке причастие на *-ри* является исконным, однако близкое к нему или даже совпадающее с ним по употреблению причастие на *-ра/-рэ/-ро* заимствовано, очевидно, из маньчжурского.

³² См.: Цинциус 1949, с. 104.

³³ Аврорин 1961, с. 68.

³⁴ В.А. Аврорин называет это деепричастие одновременным [Аврорин 1961: 148-150].

³⁵ Во множественном числе будет *-русу* (один из алломорфов), где *-су* является показателем 2-го л. мн. ч.

³⁶ Аврорин 1961, с. 123.

В то же время в тунгусо-маньчжурских языках для каждого показателя тех же пяти категорий (настоящего времени, формально совпадающего с ним коннегати́ва, причастия настояще-будущего времени, императива (2-е л.), деепричастия предшествующего действия — разновременного деепричастия) характерно идентичное варьирование согласных в зависимости от типа основы, гласные при этом остаются, естественно, одинаковыми:

эвенкийский язык

бака-ра-н 'он/она нашел/нашла'
о-да-н 'он/она стал/стала'
бака-жа-рй 'находящий'
о-дй 'становящийся'

нанайский язык

ба-ра 'находит, получает'
о-да 'становится'
ба-ри (< *бака-рй) 'находящий, получающий'
о-жи (< *о-дй) 'становящийся'
ба-ру 'найди, получи'
о-ду 'стань'

негидальский язык

баха-жаан (< *бака-ра-н) 'найды'
о-дй 'став'

В маньчжурском и в позднем чжурчжэньском («Хуа-и и-юй без письменности», XVI в.) есть уникальная форма второго лица императива от глагола со значением 'прийти':

маньчж. *жу*³⁷ 'приди(те)' < *жи-у < *ди-у;
 чжурчж. *ди* 'приди(те)'³⁸.

Наличие в чжурчжэньском (а в реконструкции и в маньчжурском), пусть даже в одной словоформе, «бессогласного» показателя императива -у так же важно, как и наличие «безгласного» показателя причастия -р в чжурчжэньском языке. Оба этих факта великолепно «работают» вместе, подтверждая идею о том, что аффиксы *-ра/-рэ/-ро, *-рй, *-ра/-рэ, *-ру исторически являются составными. Правда, вопросов остается немало: какую роль играли присоединявшиеся к форманту *-р гласные *-а/-э/-о, *-й, *-а/-э, *-у? Что представлял собой этот формант *-р в то далекое время, когда к нему присоединялись указанные гласные?

Составным считает аффикс -ра и О.А. Константинова, однако, по ее мнению, образованию этого аффикса способствовало превращение аналитической формы в синтетическую (при этом она использует другие термины): «Как же образовался форматив ра, состоящий из двух элементов: р + а (э, о)? В эвенкийском языке элемент р в форманте ра мог бы быть сопоставлен с аффиксом -р, оформляющим слова на р, которые обычно употребляются в качестве первого компонента сложного слова, например: *кэңурōран* (из *кэңур* + *ōран*) 'опустел', *лупурōран* (из *лупур* + *ōран*) 'прошел сквозь', *мурдурōран* (из *мурдур* +

³⁷ Приведу цитату из словаря И.И. Захарова: «**чжю**, читай: **чжю**, **цзю**, вм. правильного: **чжи**, повел. отъ: **чжимби**: приди! подойди! поди сюда!» [Полный маньчжурско-русский словарь 1875, с. 981].

³⁸ Kane 1989, с. 121.

бран) 'нагнулся', *уңкёрбран* (из *уңкёр* + *бран*) 'поклонился' и т.д. В качестве второго компонента выступает глагол *бран* (из *б-* 'сделать, стать'). Таким образом, сложение изобразительного слова (с конечной морфемой *p*) и глагола *б-* привело к слиянию конечного согласного первого слова *p* с первым гласным основы слова *б-*. Так на стыке двух слов появился формант *po*, который, подвергаясь влиянию вокализма целого слова в соответствии с законом гармонии гласных, стал изменяться в *pa*, *pэ* и утратил долготу гласного»³⁹. К сожалению, такая этимология аффикса *-pa/-pэ/-po* не объясняет, почему якобы участвовавший в его образовании элемент *-p* оформлял только образные (изобразительные) слова, а потом вдруг стал универсальным. С аффиксом *-pa/-pэ/-po* явно связан по происхождению показатель причастия *-pй*, этот факт определенно противоречит предложенной О.А. Константиновой гипотезе. К тому же гипотеза эта основана на данных только эвенкийского языка и не учитывает материал других тунгусо-маньчжурских языков (в частности, наличия генетически связанного с аффиксом *-pa/-pэ/-po* показателя императива *-пу* в нанайском, ульчском и орокском языках). Непонятно также, по какой причине могла быть утрачена долгота гласного составного аффикса (*-*pā/-pē/-pō* > *-*pa/-pэ/-po*). Верно, по-моему, в этой гипотезе лишь то, что эвенкийский (и общетунгусо-маньчжурский) аффикс *-pa/-pэ/-po* исторически является составным.

Трудно сказать, каким было значение глагольного аффикса *-p* в тунгусо-маньчжурском праязыке. Много неясного и с чжурчжэньской глагольной формой на *-p* — похоже на то, что она на самом деле функционировала как причастие, однако тогда непонятно, почему в чжурчжэньском языке было два одинаковых или близких по значению причастия (на *-p* и на *-pa/-pэ/-po* < *-*pй*).

По-видимому, праязыковой глагольный аффикс *-p* с неясным для нас значением допускал семантически мотивированное «вокалическое расширение» при помощи «сингармонической триады» широких гласных *a/э/о*, а также узких гласных *й* и *у*: *-*p* > *-*pa/-pэ/-po* (настоящее время и формально совпадающий с ним глагольный коннегатив), *-*p* > *-*pй* (причастие настоящего-будущего времени), *-*p* > *-*pā/-pē/-pō* (деспричастие предшествующего действия, разновременное), *-*p* > *-пу* (императив, 2-е лицо).

Итак, причастный показатель *-p* имеется лишь в чжурчжэньском, в остальных тунгусо-маньчжурских языках представлены только его «аффиксальные дериваты» (*-*pa/-pэ/-po*, *-*pй*, *-*pā/-pē*, *-*пу*). Возможно, древний глагольный аффикс *-p* сохранился в виде реликта в эвенкийском именном словообразовании *ичэ* 'видеть' — *ичэр* 'взгляд', *давда* 'быть побежденным' — *давдан* ~ *давдар* 'поражение, проигрыш; неудача', *модан* ~ *модар* (ербогочёнский диалект) 'речная извилина'; *он'о* 'рисовать' — *он'ор* (непский диалект) 'орнамент; рисунок' (ср. *он'очб* (чумиканский диалект) 'бурундук', где словообразовательный аффикс *-чб* совпадает с показателем причастия прошедшего времени). Ср. нанайские слова *балжир*, *балжича* '1) черты лица; 2) внешний вид, фигура; строение' (*балжи-* '1) родиться; 2) жить; 3) расти').

³⁹ Константинова 1964, с. 182.

Чжурчжэньское причастие на *-р* можно сравнить с глагольной формой на *-р*, имеющейся в бикинском (уссурийском) диалекте нанайского языка, примеры:

Мафа ток'иду тэхэн'и, солак'и-тана анар тахан'и 'Медведь сел на нарты, а лиса (их) столкнула';

Долбо с'ингэр'ивэ кэскэ зэфтэр тахан'и 'Ночью кошка мышку (и) слопала';

С'эхо зэфк'ичи, мамакава омгор тахачи 'Все съели, а о старушке и не вспомнили (букв.: забыли)';

Соллак'и мафа хоскалар тахан'и 'Лисица медведя царапнула'⁴⁰.

II. Во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме чжурчжэньского, маньчжурского и хэчжэ⁴¹, основа глагола, не имеющая словоизменительной аффиксации, не может быть словом, т.е. выступать в качестве того или иного члена предложения.

В маньчжурском и в хэчжэ (материалы по диалекту (языку) *хэчжэ* опубликовал Дж. Лин⁴²) глагольная основа способна функционировать в предложении с нулевым аффиксом — в этом случае совпадающее с основой слово выражает повеление, обращенное ко второму лицу единственного или множественного числа. Вот несколько маньчжурских примеров:

ала 'скажи(те)'; *бу* 'дай(те)'; *туа* 'посмотри(те)'; *ара* 'сделай(те)' и 'напиши(те)'; *гэнэ* 'пойди(те)'; *бодо* 'обдумай(те)'; *тачи* 'учись, учитесь'; *алабу* 'вели(те) сказать'; *туабу* 'покажи(те)'; *тачинги* 'направь(те) учиться'⁴³.

При этом в маньчжурском языке имеется группа нерегулярных глаголов, для которых характерны особые формы императива 2-го лица. Приведу цитату из работы Дз. Икегами:

«*баису* от *баимби* 'искать',
бису от *бимби* 'быть',
досину наряду с регулярной формой *доси*
от *досимби* 'входить'
или от *досинамби* 'входить',
гаису от *гаимби* 'брать',
зэфу наряду с регулярной формой *зэ* (по *Daqing quanshu*)
от *зэмби* 'есть',
зио наряду с регулярной формой *зи* (по *Daqing quanshu*)
от *жимби* 'приходить',
-(*н*)*жу* от -(*н*)*жимби* 'приходить, чтобы ...',
журану наряду с регулярной формой *жура*,

⁴⁰ См.: Сем 1976, 106.

⁴¹ *Хэчжэ* — диалект нанайского или языка, генетически весьма близкого к нему; на этом диалекте (языке), вероятно, еще говорят в провинции Хэйлунцзян (КНР) недалеко от границы с Россией.

⁴² См.: Ikegami 1999a, с. 278–279.

⁴³ Аврорин 2000, с. 213.

от *журамби* 'пускаться в путь, отправляться',
осо от *омби* 'стать, становиться',
тучину наряду с регулярной формой *тучи*
от *тучимби* 'выходить' или *тучинэмби* 'выходить',
васину от *васимби* 'идти сверху вниз' или *васинамби* 'спускаться',
вэсину от *вэсимби* 'подниматься' или *вэсинэмби* 'подниматься'.

Я считаю возможным, что когда-то маньчжурский язык имел такую систему форм императива, которая принципиально совпадала с нанайской и орокской системами форм императива, и что хотя бы некоторые из вышеупомянутых нерегулярных форм императива отсюда и происходят (т.е. от форм, аналогичных нанайским и орокским. — А.П.)⁴⁴.

Итак, Дз. Икегами полагает, что в маньчжурском языке употребление глагольной основы без словоизменительных показателей является инновацией. Надо сказать, что в маньчжурском такая неоформленная основа может иметь только значение повеления, обращенного ко второму лицу (как единственного, так и множественного числа).

Иначе обстоит дело в чжурчжэньском: глагольная основа без словоизменительных показателей может функционировать в этом языке в качестве:

1) конечного предиката, например:

бугу гашандо БАНДИРУ '(он?) живет (жил?) в деревне Бугу' (стела *Чаосянь Цинъюань цзюнь нюйчжэнь гошу бэй*);

2) коннегатива:

Эшин dianдэ 'не мочь, не понимать' («*Нюйчжэнь и-юй* с письменностью»).

В текстах чжурчжэньских стел встречается такое употребление неоформленной глагольной основы, которое напоминает свойственное деепричастиям функционирование в роли второстепенного (неконечного) предиката. Правда, примеры такого рода весьма спорны:

ухэду Поошу таиран ИЛИФУМА МУТЭБУХЭИ да... 'Предводитель, который начертал (букв.: начертав?) на камне и соорудил храм' (или несколько иначе: 'Предводитель, который преуспел в гравировке на камне и в возведении храма (храмов)').

В «*Нюйчжэнь и-юй без письменности*» глагольная основа без словоизменительных показателей может выступать в качестве атрибута:

⁴⁴ Ikegami 1999a, с. 272–273. Цитирую последний абзац из работы Дз. Икегами в оригинальном виде: «Ich glaube annehmen zu können, daß das Mandschurische früher ein Flexionssystem der Imperativformen besaß, das mit den gold. und orok. Flexionssystemen der Imperativformen grundsätzlich übereinstimmt und daß wenigstens manche der obenerwähnten unregelmäßigen Imperativformen daraus stammen».

Выражаю глубокую благодарность проф. Тосиро Цумагари из университета Хоккайдо (Hokkaido University) за то, что он порекомендовал мне эту, а также много других работ профессора Дзиро Икегами; кроме того, я признателен проф. Цумагари за то, что он предоставил мне копии этих работ.

*hasha hudasha bo*⁴⁵ [*гаша худаша бō⁴⁶] ‘деревенский магазин (букв.: деревня + торговать + дом)’;
hudasha niema [*худаша н’а(л)ма] ‘купец, торговец (купцы, торговцы) (букв.: торговать + человек (люди))’, ср. маньчж. *худашара нялма* ‘торгующие, торговцы’⁴⁷;
huoni feita aligu [*хони фанга алигу] ‘блюдо, используемое для того, чтобы резать баранину (букв.: овца + резать + блюдо)’;
yiche fashi [*ичэ факши] ‘красильщик (букв.: красить + мастер)’;
maxila ala fashi [*махила ара факши] ‘мастер, шьющий шапки; шляпный мастер (букв.: шапка (шляпа) + делать + мастер)’.

Интересно, что в том же источнике («Нюйчжэнь и-юй без письменности») глагольным атрибутом может быть не только глагольная основа без словоизменительных аффиксов, но и причастие (как в маньчжурском языке), например:

wumusu dule fashi [*умусу ду-рэ факши] ‘мастер, делающий пояса (букв.: пояс(а) + бьющий + мастер)’, ср. маньчж. *ду-рэ* ‘бьющий (в частности, молотком)’;
adu aole fashi [*аду ау-рэ факши] ‘работник, занимающийся стиркой белья, одежды’ (букв.: ‘одежда + моющий, стирающий + мастер’).

Следует отметить, что в одном из современных маньчжурских диалектов возможно употребление глагольной основы без словоизменительных показателей в роли конечного предиката. Такое употребление упоминается в статье «Маньчжурский язык, на котором говорят в деревне Саньцзяцзы в уезде Фуюй в китайской провинции Хэйлунцзян» («Manchu language spoken in Sanjiazi village, Fuyu County, Heilongjiang Province in China»):

«Интересно, что наш информант использовал императивную форму в неимперативных предложениях:

sind bo
 я даю это тебе (слов, означающих ‘я’ и ‘это’, в данном примере нет. — А.П.).
jixa sind bo
 я даю тебе деньги (слова, означающего ‘я’, в этом примере нет)»⁴⁸.

Проблема заключается в том, является ли то или иное синтаксическое функционирование глагольной основы без словоизменительных показателей инновацией в чжурчжэньском и маньчжурском или же это древняя, исконная особенность, присущая тунгусо-маньчжурскому праязыку и сохранившаяся лишь в чжурчжэньском и маньчжурском, т.е. в языках, предок которых (чжурчжэньско-маньчжурский идиом) отделился, по-моему, первым от тунгусо-маньчжурского праязыкового диалектного континуума.

⁴⁵ Чжурчжэньские слова из «Нюйчжэнь и-юй без письменности» [Капе 1989] транскрибированы здесь при помощи китайского фонетического алфавита; в «Нюйчжэнь и-юй без письменности» не указывалась граница между чжурчжэньскими словами в словосочетаниях и предложениях.

⁴⁶ Реконструкция звучания чжурчжэньских слов осуществлена здесь мной. — А.П.

⁴⁷ Полный маньчжурско-русский словарь 1875, с. 439.

⁴⁸ Kim и др. 2008, с. 40. Выше уже было сказано, что в маньчжурском языке форма императива (2-е лицо) совпадает с глагольной основой.

С одной стороны, функционирование глагольной основы в качестве императива в маньчжурском языке весьма похоже на инновацию. Дз. Икегами писал об этом в своих работах⁴⁹, аргументация его кажется мне вполне убедительной. Возможно, инновацией является и употребление неоформленной глагольной основы («формы императива») в роли конечного предиката в маньчжурском диалекте, на котором говорят (говорили?) в Северо-Восточном Китае в деревне Саньцзяцзы, — такое употребление похоже на подражание китайскому образцу: ср. маньчж. диалектное *jíxa sind bo* ‘Деньги тебе даю’ и китайское 我給你錢 *Wǒ gěi nǐ qián* ‘Я даю тебе деньги’. Впрочем, нельзя не заметить разный порядок слов в маньчжурском предложении и в его китайском смысловом эквиваленте — это вызывает некоторые сомнения в том, что маньчжурский в подобных случаях идет настолько далеко в своем подражании китайскому, что даже лишает глагол словоизменительной аффиксации.

С другой стороны, трудно признать инновацией синтаксическое функционирование неоформленной глагольной основы в чжурчжэньском языке. Китайским влиянием объяснить это, пожалуй, невозможно, поскольку воздействие китайского языка на чжурчжэньский было довольно ограниченным, распространялось оно главным образом на лексику, связанную с культурой, и вряд ли затрагивало чжурчжэньскую морфологию. В таком случае самостоятельное употребление глагольной основы, не осложненной словоизменительной аффиксацией, следует признать исконной особенностью чжурчжэньского языка, а также, по-видимому, и тунгусо-маньчжурского праязыка, от которого чжурчжэньский отстоял во времени вряд ли существенно дальше, чем современные тунгусо-маньчжурские языки отстоят во времени от чжурчжэньского.

III. Чжурчжэньский, маньчжурский, солонский и язык эвенков-хамниган Маньчжурии отличаются от остальных тунгусо-маньчжурских языков наличием родительного падежа⁵⁰. При этом аффиксы родительного падежа в чжурчжэньском и маньчжурском, с одной стороны, в солонском и хамниганском — с другой, имеют разное происхождение.

В солонском языке «Genitivus (кого? чего?) образуется при помощи суфф. *-ī* (после *n* основы) и *-nī* (после других согласных и гласных основы)»⁵¹. Вряд

⁴⁹ В частности, в: Ikegami 1999a.

⁵⁰ О наличии родительного падежа в эвенкийском языке писали М.А. Кастрен [Castrén 1856, § 23], Н.Н. Поппе [Поппе 1927, с. 5], Г.М. Василевич [Василевич 1940, с. 36]. Показателем родительного падежа они называли аффикс атрибутивно-предикативного притяжания, хотя Г.М. Василевич уточняла: «Суффикс родительного падежа -нги по форме совпадает с притяжательным суффиксом -нги. Но -нги, как суффикс падежа, занимает место п о с л е суффикса множественного числа, а -нги, как словообразовательный суффикс притяжания, занимает место п е р е д суффиксом числа» [Василевич 1940, с. 36]. О.П. Суник отрицал наличие родительного падежа в эвенкийском языке [Суник 1948, с. 287], с ним была солидарна О.А. Константинова [Константинова 1964, с. 65].

⁵¹ Поппе 1931, с. 112.

ли целесообразно выделять в солонском два алломорфа аффикса родительного падежа, показателем его является *-нй̄* (< **-нй̄*⁵²).

В языке эвенков-хамниган Маньчжурии аффикс родительного падежа имеет два алломорфа: *-нй̄* (*-ngī*) после гласных и *-нй̄* (*-nī*) после согласных⁵³.

В солонском и в языке эвенков-хамниган Маньчжурии показатели родительного падежа происходят от аффикса атрибутивно-предикативного притяжания **-нй̄* (в маньчжурском ему соответствует аффикс предикативно-притяжательной формы *-нй̄э*). В.А. Аврорин пишет: «...предикативно-притяжательная форма и форма родительного падежа связаны между собой дополнительной дистрибуцией. Значение у них общее, но допустимые окружения различны. В одних окружениях (позиция сказуемого и заместительное употребление) употребительна предикативно-притяжательная форма и недопустим родительный падеж, а во всех прочих окружениях употребителен родительный падеж и недопустима предикативно-притяжательная форма»⁵⁴. В эвенкийском языке ситуация иная — в нем соответствующая форма выступает не только как предикативно-притяжательная, но и как атрибутивно-притяжательная. Понятно поэтому, что форма атрибутивно-предикативного притяжания в принципе может стать формой родительного падежа (или же её могут принять за родительный падеж).

Между тем родительный падеж отличается от формы атрибутивно-предикативного притяжания весьма существенно: во-первых, форма атрибутивно-предикативного притяжания не имеет никаких дополнительных значений (функций), в то время как любой падеж, в том числе и родительный, реально или потенциально многозначен (полифункционален)⁵⁵. Во-вторых, показатель атрибутивно-предикативного притяжания присоединяется вроде бы только к словам, обозначающим живых существ⁵⁶, родительный же падеж оформляет в принципе любое имя существительное.

⁵² В солонском языке исконный заднеязычный носовой (*ŋ*) в начале морфемы некогда перешел в переднеязычный носовой (*n*), результат этого перехода наблюдается в показателе родительного падежа (**-нй̄* > *-нй̄*), а также, например, в таких словах: *нинахй̄* (< **нй̄накин*) 'собака', *нй̄ла* (< **нй̄ла*) 'рука', *наммакта* (< **нй̄наммакта*) 'комар' (у Н.Н. Поппе *ninaxī*, *nāla* ~ *nālī* и *namakta* [Поппе 1931, с. 62, 60, 61]).

⁵³ См.: Janhunen 1991, с. 62.

⁵⁴ Аврорин 2000, с. 86–87.

⁵⁵ Если говорить о многозначности (полифункциональности) маньчжурского родительного падежа, то следует отметить его уникальную особенность: «Родительный падеж выражает (практически много реже) дополнение орудия. В орудной функции родительный падеж конкурирует с дательным, причем эта функция появилась у него относительно недавно, тогда как раньше она выражалась только дательным падежом. Позднее наметилась дифференциация условий употребления этих двух падежей в названной функции: родительный падеж употребляется почти исключительно при глагольных словах, обозначающих неокончившиеся или даже неначавшиеся действия, тогда как дательный падеж употребляется преимущественно при словах, обозначающих действия окончившиеся» [Аврорин 2000, с. 79].

⁵⁶ Слово, оформленное в эвенкийском языке атрибутивно-притяжательным аффиксом, обозначает субъект обладания (например: *бэжэ-нй̄* 'принадлежащий человеку'), в то время как лично- и возвратно-притяжательные аффиксы обозначают объект обладания (например: *бэри-в* 'мой лук (для стрельбы)'). Понятно, что субъект обладания должен быть живым существом — чело-

Интересно, что подлинный родительный падеж имеется только в тунгусо-маньчжурских языках, на которых говорят (или говорили) на территории Китая. В чжурчжэньском и маньчжурском родительный падеж с показателем *-и* является, по-моему, исконным, унаследованным ими от пратунгусо-маньчжурского языка. В солонском же и в языке эвенков-хамниган Маньчжурии родительный падеж относительно позднего происхождения, при этом он одновременно и заимствованный, и исконный: исконный потому, что аффикс его восходит к праязыковому показателю **-һӣ*, заимствованным же родительный падеж следует считать по той причине, что он возник под влиянием языков, оказавших сильное влияние на солонский и на язык эвенков-хамниган Маньчжурии. Как известно, солонский язык находился в тесном контакте с дагурским, а также с маньчжурским (обоим свойствен родительный падеж), язык эвенков-хамниган Маньчжурии был и продолжает оставаться под сильным монгольским воздействием (родительный падеж есть во всех монгольских языках).

В маньчжурском языке «родительный падеж имеет аффикс *и*, а при основах, оканчивающихся на *һ*, его фонетический вариант *һӣ*»⁵⁷.

В чжурчжэньском языке родительный падеж имеет показатель *-и* (как и в маньчжурском, после основ с конечным *һ* употребляется алломорф *-һӣ*).

Ни в чжурчжэньском, ни в маньчжурском нет притяжательных аффиксов, поэтому вся нагрузка выражения посессивных отношений ложится в обоих этих языках на родительный падеж. Впрочем, есть основание предполагать, что в чжурчжэньском и маньчжурском языках некогда имелся аффикс 3-го лица, сохранившийся в качестве реликта в маньчжурском и чжурчжэньском показателях императива 3-го лица. Аффикс *-кини* в маньчжурском языке является составным — первый его компонент естественно было бы сравнить с показателем желательного наклонения *-ки*, что же касается второго (*-һӣ*), то исторически это не что иное, как показатель 3-го лица единственного числа⁵⁸. То же самое можно сказать и о чжурчжэньском аффиксе императива 3-го лица *-һинӣ*⁵⁹. Странным может показаться то, что и в маньчжурском, и в чжурчжэньском языках показатели *-кини* и *-һинӣ* относятся не только к единственному («пусть он(а)...»), но и ко множественному числу («пусть они...»). Следует отметить, что в солонском языке, находившемся длительное время в контакте с маньчжурским, также произошла нейтрализация значения числа в третьем лице глагола, причем разных наклонений и времен; в частности, со-

---

веком или животным (словоформа *бэр-һӣ* 'принадлежащий луку' вряд ли допустима в речи). В то же время в маньчжурской грамматике В.А. Аврорина есть пример, в котором аффикс предикативно-притяжательной формы присоединен к слову, не обозначающему живое существо («*эрэ учэ бһӣгэ* 'эта дверь домашняя (дома)')» [там же, с. 86].

⁵⁷ Там же, с. 75.

⁵⁸ Первым к выводу о том, что в маньчжурской повелительной форме 3-го лица «спрятан» личный аффикс, пришел Н.Н. Поппе: «С этим же показателем 3-го лица суффикс этот имеется в маньчжурском, ср. ма. *-kini*...» [Поппе 1931, с. 125].

⁵⁹ Аффикс *-һинӣ* представлен только в чжурчжэньском тексте Тырской стелы: *са-һинӣ* знать, управлять-IMP.3SG,PL (8-я строка) (см. [Головачев и др. 2011, с. 201]).

лонский аффикс *-gini* стал показателем повелительного наклонения 3-го лица как единственного, так и множественного числа⁶⁰. Интересно, что и в монгольских языках в 3-м лице императива не различаются формы единственного и множественного числа: в качестве примера можно привести показатель *-tuγai* ~ *-tügei* ('пусть он(а)...', 'пусть они...') в письменном монгольском языке⁶¹, а также аффикс *-г* в бурятском языке (*ябаг* 'пусть идет', 'пусть идут')⁶².

Итак, этимологический анализ чжурчжэньского аффикса *-хини* и маньчжурского *-кини* позволяет сделать важный вывод: в предке чжурчжэньского и маньчжурского языков были личные показатели — по крайней мере, показатель 3-го лица единственного числа⁶³.

Думаю, что древний показатель родительного падежа *-и* не исчез бесследно и в некоторых других тунгусо-маньчжурских языках; я имею в виду следующие атрибутивные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица (а также атрибутивные формы возвратных местоимений):

мин ~ *мини* 'мой', *син* ~ *сини* 'твой' и т.д. в негидальском и орокском языках;
мин (< *мини) 'мой', *син* (< *сини) 'твой' и т.д. в ульчском⁶⁴ и эвенском языках (ср. маньчж. и чжурчж. *мини* 'мой').

К местоименным формам родительного падежа *мин-и 'мой' (*бй 'я'), *син-и 'твой' (*сй 'ты') и т.д. в тунгусо-маньчжурском праязыке мог, вероятно, присоединиться аффикс предикативно-притяжательной формы **-нй* (**-нйй*): *мин-и-нй (*мин-и-нйй) 'мой (англ. *mine*)', *син-и-нй (*син-и-нйй) 'твой (англ. *yours*)' и т.д. Рефлексы таких форм представлены во всех тунгусо-маньчжурских языках, например:

маньчж. *Эрэ жэка миннйгэ*⁶⁵ 'Эта вещь моя'⁶⁶;
 нан. *Эј дајса миннй* 'Эта книга моя' (*миннй* < *миннй < *мин-и-нй);
 эвенк. *Эр орон миннй* 'Этот олень мой'; в эвенкийском форма на *-нй* может быть не только предикативно-притяжательной, но и атрибутивно-притяжательной: *миннй оронми* 'мой олень' (*миннй* < *мин-и-нй).

⁶⁰ Поппе 1931, с. 125.

⁶¹ См.: Орловская 1997, с. 24.

⁶² См.: Грамматика бурятского языка 1962, с. 258.

⁶³ В принципе так бывает, что аффиксом выражается только третье лицо, ср. англ. *I understand, you understand, he/she understands*.

⁶⁴ В ульчских материалах, собранных А.Н. Липским, представлены две формы: *мин* и *мини* 'мой' (у А.Н. Липского *мин*) [Липский, дело 71, лист 91 (оборот)]; в ульчских текстах, записанных О.П. Суником, в некоторых случаях вместо *мэн* 'свой' можно обнаружить *мэни* [Суник 1985, с. 82, 83 и др.]. Подобные полные притяжательные формы местоимения есть также в бикинском (уссурийском) диалекте нанайского языка [Сем 1976, с. 56].

⁶⁵ В маньчжурском языке показатель предикативно-притяжательной формы *-нйгэ* восходит, вероятно, к **-нйй*.

⁶⁶ Аврорин 2000, с. 143.

IV. В агглютинативных языках существует несколько способов образования новых аффиксов: 1) грамматикализация, 2) существенное изменение прежнего грамматического значения (возникает не вариант значения, а новое значение), 3) заимствование аффикса из другого языка или из диалекта того же самого языка, 4) составная аффиксация (в том числе и образование новой морфемы из двух оказавшихся смежными в результате превращения аналитической конструкции в синтетическую).

Одним из основных (если не главным) способов образования новых аффиксов в тунгусо-маньчжурских языках была составная аффиксация. При этом вполне очевидно, что составная аффиксация стала бурно развиваться после «первого раскола» тунгусо-маньчжурской языковой общности, т.е. после отделения от нее чжурчжэньско-маньчжурского идиома. Аргументация проста: для тунгусо-маньчжурского праязыка можно восстановить лишь несколько составных аффиксов, а после «первого раскола» — в «постпраязыке», который дал начало всем тунгусо-маньчжурским языкам, кроме чжурчжэньского и маньчжурского, — составных аффиксов возникло немало, причем не только в словообразовании, но и в словоизменении. Эта постпраязыковая составная аффиксация, претерпев определенные фонетические изменения, сохранилась до наших дней в нанайском, ульчском, орокском, удэгейском, ороцком, негидальском, солонском, эвенкийском и эвенском языках.

Приведу несколько примеров эвенкийских составных аффиксов:

- вк̄ән/-вк̄ән/-вк̄ән < *-бу-к̄ән/-бу-к̄ән/-бу-к̄ән (показатель каузатива);
- вк̄й < *-бу-к̄й («суффикс глагольно-именной формы обычности действия»)⁶⁷;
- рак/-рэк/-рок < *-ра-кн/-рэ-кн/-ро-кн (показатель условно-временного деепричастия);
- сал/-сэл/-сол < *-са-л/-сэ-л/-со-л (показатель множественного числа);
- дук(и) < *-ду-ки (показатель отложительного падежа);
- тк̄й/-тик̄й < *-ти-к̄й (показатель направительного падежа).

Количество примеров эвенкийских, эвенских, негидальских, ульчских, нанайских и т.д. составных аффиксов можно было бы существенно увеличить.

В маньчжурском число составных аффиксов значительно меньше, чем в только что перечисленных языках. Составная аффиксация представлена в маньчжурском главным образом в словообразовании. Приведу несколько примеров маньчжурских словообразовательных составных аффиксов (сведения о чжурчжэньской морфологии весьма скудны, поэтому ограничимся маньчжурскими примерами, взятыми из книги В.А. Аврорина⁶⁸; номера страниц в этой работе указаны далее в скобках):

- схун (дахасхун 'послушный', с. 126);
- чука/-чукэ (олхочука 'осторожный; осторожно', с. 126);
- рги (дорги 'внутренность; внутренний; внутри', с. 134);

⁶⁷ Эвенкийско-русский словарь 1958, с. 747.

⁶⁸ Аврорин 2000.

- сита/-ситэ (коимасита- 'постоянно обманывать', с. 166);
- нэа/-нэа/-нэо (гуниңэа- 'постоянно думать, обдумывать', с. 167–168);
- лэа/-лэа/-лэо (мидалэа- 'вилять хвостом', с. 168);
- рэа/-рэа/-рэо (мэлэрэа- 'робеть, стесняться, прятаться', с. 168–169);
- рала/-рэла (укарала- 'постоянно убежать, находиться в бегах', с. 171).

Словоизменительных составных аффиксов в маньчжурском языке совсем немного, приведу примеры:

1) Показатель продольного падежа -дэри⁶⁹. О происхождении этого аффикса Дз. Икегами писал: «Вероятно, в маньчжурском языке старая форма *-*deli*, не засвидетельствованная в письменности, была заменена на *deri* по аналогии с *deleli* 'на поверхности', *dolori* 'внутри', *juleri* (маньчжурские слова я здесь не транслитерировал. — А.П.) 'впереди', *oilori* 'над' и *tuleri* 'снаружи'. Возможно, что показатель *-*deli* был постконсонантным вариантом пролативного падежного аффикса *-*li*; показатель *-*deli*, вероятно, представляет собой комбинацию аффикса дательного падежа *-*de* и аффикса пролатива *-*li*; могло быть и так, что „переходный слог“ (*de*. — А.П.) был вставлен между конечным согласным основы (например, *-n*) и начальным *l*-аффиксом»⁷⁰.

Кстати, падежный аффикс -дэ вполне может быть инновацией в маньчжурском языке, поскольку в материалах по чжурчжэньскому языку (кроме «Нюй-чжэнь и-юй без письменности»⁷¹) показателем дательно-местного падежа является -до/-ду, а не -дэ. В самом позднем (1413 г.) чжурчжэньском камнеписном тексте на Тырской стеле-трилингве мы видим также показатель -до/-ду (он встречается 13 раз⁷²).

2) Показатели причастия настоящего времени (классы III и IV) -ндара/-ндэрэ/-ндоро, -нэрэ/-норо, -жара/-жоро, -дэрэ, -тэрэ, -сирэ (все они включают аффикс -ра/-рэ/-ро, В.А. Аврорин отметил, что аффикс -ндара/-ндэрэ/-ндоро состоял из компонентов -на + -да + -ра⁷³).

3) Показатель причастия прошедшего времени (классы II и III) -нка, который, как считает В.А. Аврорин, восходит к сочетанию аффиксов -на + -ка⁷⁴.

4) Показатель настоящего времени изъявительного наклонения глагола -мби < -мэ би (одновременное деепричастие + глагол со значением 'быть').

⁶⁹ «Падежная форма на *дэри*, которую мы по аналогии с другими тунгусо-маньчжурскими языками назвали продольным падежом, в письменном языке встречается редко, по-видимому, она исчезает из употребления, в диалектах же маньчжурского языка, в частности в сибирском, эта падежная форма встречается значительно чаще» [Аврорин 2000, с. 75].

⁷⁰ «There seems to be a probability that in Manchu the older form *-*deli*, which is not attested in records, was replaced by *deri*, which was formed on the analogy of *deleli* 'on the surface', *dolori* 'inside', *juleri* 'in front', *oilori* 'over' and *tuleri* 'outside'. It is possible that *-*deli* may have been a post-consonantal variant of the prolativ case-ending *-*li*, which was derived from the combination of the dative ending *-*de* and the prolativ ending *-*li* or this ending with a transitional syllable inserted between a stem-final consonant (such as *-n*) and the ending-initial *l*». Ikegami 1999b, с. 288.

⁷¹ См.: Kane 1989.

⁷² См.: Головачев и др. 2011, с. 196–197.

⁷³ См.: Аврорин 2000, с. 189–190.

⁷⁴ Там же, с. 190.

5) Показатели прошедшего времени изъявительного наклонения глагола *-хаби/-хэби/-хоби*, *-каби/-кэби/-коби*, *-һкаби/-һкэби/-һкоби*⁷⁵ (< *-ха/-хэ/-хо би*, *-ка/-кэ/-ко би*, *-һка/-һкэ/-һко би* (причастие прошедшего времени + глагол со значением 'быть')).

6) Аффикс вежливой формы повелительного наклонения *-чина*⁷⁶ < ?

7) Аффикс повелительного наклонения для третьего лица *-кини*⁷⁷ [Аврорин 2000: 214] < **-ки* + *-ни*.

Как было уже сказано выше, сведения о чжурчжэньской морфологии скудны и фрагментарны. Тем не менее очевидными примерами составной аффиксации в чжурчжэньском языке являются аффикс повелительного наклонения для третьего лица *-хини* (**-хи* + **-ни*, ср. маньчж. *-кини*) и показатель аблатива *-дохи/-духи* (**-до/-ду* + **-хи*). Наличие аблативного аффикса *-дохи/-духи* в чжурчжэньском языке позволяет говорить, во-первых, о том, что показатель этот восходит к тунгусо-маньчжурскому праязыку (соответствия представлены во всех ветвях тунгусо-маньчжурской языковой семьи)⁷⁸, а во-вторых, дает возможность восстанавливать в этом праязыке составной аффикс (аффикс дательно-местного падежа **-дү* + **-ки* (значение этого аффикса неизвестно)).

Аффикс императива для третьего лица *-хини* и аффикс аблатива *-дохи/-духи* представлены только в чжурчжэньском тексте Тырской стелы⁷⁹ — в других чжурчжэньских памятниках они пока не обнаружены.

Во всех тунгусо-маньчжурских языках есть словообразовательные аффиксы, которые используются для своеобразной семантической классификации имен существительных. В отличие от именных классов (как, например, в языках банту) или от классификаторов (как, скажем, в китайском или в корейском), охватывающих в принципе все существительные или большую их часть, «классифицирующие аффиксы» тунгусо-маньчжурских языков встречаются в сравнительно небольшом количестве слов.

В эвенкийском языке такая «избирательная классификация» распространяется, например, на слова, обозначающие совокупность мелких однородных предметов (или один предмет из такой совокупности) — звезды, ягоды, грибы, зубы, ногти, волосы и т.п. (аффикс *-кта/-ктэ/-кто*: *жиктэ* 'голубика', *йктэ* 'зуб' и т.д.), на слова, обозначающие животных (аффикс *-кй*, например: *сулакй* 'лиса', *һэрэ-кй* 'лягушка'); аффикс *-кса/-ксэ/-ксо* обозначает шкуру (*сулакй-кса* 'шкура лисы' — в этом слове сразу два классифицирующих аффикса); омонимичный предыдущему аффикс оформляет названия «массы однородного материала» (*тамнакса* 'туман', *сэксэ* 'кровь'); аффикс *-мкурā/-мкурэ* оформляет названия «ягодных кустарников или плодовых деревьев» (*жиктэмкурэ*

⁷⁵ Там же, с. 211–212.

⁷⁶ Там же, с. 214.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Вряд ли можно предполагать, что чжурчжэньский показатель аблатива *-дохи/-духи* был заимствован из какого-то другого тунгусо-маньчжурского языка.

⁷⁹ См.: Головачев и др. 2011, с. 201, 197.

‘кустик голубики’); аффикс *-магда/-мэгдэ/-могдо* «обозначает сеть» (*нирумагда* ‘сеть для хариусов’); *-мāүйин/-мэүйин/-мбүйин* — аффикс, «образующий названия болезней» (*һалганмāүйин* ‘болезнь ног’); *-птун* — «суффикс, образующий названия предметов, охватывающих предмет, значение которого выражено в основе: *һāлакāн* ‘рука (кисть)’ — *һāлакāптун* ‘браслет’»; *-рук* — «суффикс, обозначающий название хранилища, помещения, чехла, коробки: *инмэ* ‘игла’ — *инмэрук* ‘игольник’»; *-сик* — «суффикс, обозначающий одежду... *тууэсик* ‘зимняя одежда’»⁸⁰ (примеры, взятые из словаря Г.М. Василевич, транслитерированы).

Для нас такие именные словообразовательные (классифицирующие) аффиксы представляют интерес с точки зрения того, являются ли они составными или же «простыми». Как видим, в приведенных примерах только один аффикс не относится к числу составных — это словообразовательный аффикс *-кй*, присоединяющийся к названиям животных. Показательно, что из всех перечисленных выше аффиксов (*-кта/-ктэ/-кто*, *-кй*, *-кса/-ксэ/-ксо*, *-мкурā/-мкурэ*, *-магда/-мэгдэ/-могдо*, *-мāүйин/-мэүйин/-мбүйин*, *-птун*, *-рук*, *-сик*) только *-кй* имеет соответствия во всех тунгусо-маньчжурских языках, не исключая маньчжурский и чжурчжэньский (в обоих последних это *-ха/-хэ* — долготу *й* эвенкийского, эвенского, солонского и негидальского языков соответствуют в конце слов в маньчжурском языке широкие гласные *а, о, э* или (реже) *у*⁸¹).

В чжурчжэньском и маньчжурском языках есть другой аффикс *-ха/-хэ* — омонимичный только что упомянутому, однако восходящий не к **-кй*, а к **-кā/-кэ/-кб*. Этот аффиксальный омоним оформляет в чжурчжэньском и маньчжурском языках слова, обозначающие мелкие однородные предметы, т.е. по значению он аналогичен, например, эвенкийскому *-кта* в слове *бсикта* ‘звезда’. Звезда называется по-чжурчжэньски *ОШИха*; если привлечь для сравнения диалектные данные эвенкийского языка, то праформой чжурчжэньского *ОШИха* ‘звезда’ следует считать **бсикā*. Именно такую реконструкцию нам подсказывает название звезды в подкаменнотунгусском диалекте эвенкийского языка (*бсикāкта* — в такой форме слово приведено в Эвенкийско-русском словаре⁸²; точное соответствие есть в эвенском языке⁸³). В подкаменнотунгусском эвенкийском слове *бсикāкта* сегмент *бсикā-* представляет собой производящую основу, к которой когда-то был присоединен словообразовательный аффикс *-кта*, имеющий то же значение, что и праязыковой словообразовательный аффикс *-кā* в праформе **бси-кā*.

В целом можно утверждать следующее: только совсем немного составных аффиксов в тунгусо-маньчжурских языках группы Б (к ней я бы отнес все языки этой семьи, кроме маньчжурского и чжурчжэньского) имеют полное, «поаффиксное» соответствие в языках группы А, т.е. в чжурчжэньском и

⁸⁰ Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 761, 763, 764, 770, 773–774, 784, 787, 788.

⁸¹ См.: Цинциус 1949, с. 102.

⁸² Эвенкийско-русский словарь 1958, с. 328

⁸³ Ср. эвенское название звезды *бсикат* < **бсикāкта*.

маньчжурском; примером может быть все тот же составной показатель аблатива: чжурчж. *-дохи/-духи*, эвенк. *-дук(и)*, эвен. *-дук*, солон. *-духи*, удэг. *-диуи* (< **-дууи* < **-дуки*), ороch. *-дуи* (< **-дуки*); ср. также нанайский аффикс *-дуи* (< **-дуки*), который оформляет объект сравнения в сравнительной конструкции.

Бывает и так, что компоненты имеющегося в языках группы Б составного аффикса функционируют в чжурчжэньском и маньчжурском в качестве самостоятельных аффиксов.

Например, в чжурчжэньском языке *-һи* является словообразовательным аффиксом имен существительных, обозначающих различные вещества (*сэһи* 'кровь', *ПУЛЭһи* 'зола, пепел', *иМЭһи* 'растительное масло; жир, сало', *ИМАһи* 'снег', *ТУһи* 'облако', *та(р?)маһи* 'туман').

В маньчжурском языке ему соответствует словообразовательный аффикс *-ги*, а также *-һги* (например: *соги* 'зелень, овощи', *нимаһги* 'снег'). В других тунгусо-маньчжурских языках соответствующий аффикс встречается исключительно редко (ср., например, нан. *ниэсэһги* ~ *н'эсэһги* 'пот', ороch. *н'эсэһи* 'пот', нег. *н'эсэһ* 'пот'⁸⁴). При этом в эвенкийском языке (подкаменнотунгуские говоры, ербогоченский, непский, токкинский говоры) слово, означающее 'пот', оформлено исторически составным аффиксом: *н'эксэ* (< *н'э* 'потеть')⁸⁵.

Аналогичный по значению аффикс *-кса/-ксэ* в языках группы Б образовался, по-моему, из составного аффикса **-һи-са/-һи-сэ*, первый компонент которого совпадает с чжурчжэньским *-һи* (показатель собирательности), а второй — с чжурчжэньским *-са/-сэ* (показатель множественного числа имен существительных и прилагательных⁸⁶, в прошлом аффикс *-са/-сэ* выражал, вероятно, собирательность). Реконструируемый **пост**праязыковой аффикс **-һиса/-һисэ*, присоединявшийся к названиям различных веществ, в результате звуковых преобразований превратился со временем в *-һса/-һсэ* (ср. ороch. *силэ-һсэ* 'роса') или в *-мса/-мсэ* (ср. нан. *силэмсэ* 'роса; иней (растаявший)'), затем аффикс *-һса/-һсэ* закономерно трансформировался в *-кса/-ксэ* (ср. эвенк., нег. *силэ-ксэ* 'роса').

Этимологический анализ свидетельствует о том, что чжурчжэньский язык (а также маньчжурский) сохранил более древний, первичный словообразовательный аффикс *-һи*, остальные же тунгусо-маньчжурские языки при помощи составной аффиксации создали варианты вторичного, составного словообразовательного аффикса.

По всей видимости, составная аффиксация была представлена весьма ограниченно в тунгусо-маньчжурском праязыке. Можно, конечно, предположить, что в праязыке было немало составных аффиксов, которые по неведомой причине исчезли, не сохранившись до нашего времени. Однако невозможно себе представить, что праязык решил расстаться именно с составными аф-

⁸⁴ См.: Болдырев 1987, с. 104–105. Любопытно, что в маньчжурском языке слово *һэ* 'пот' не имеет словообразовательного суффикса.

⁸⁵ См.: ССТМЯ 1975, с. 650.

⁸⁶ См.: Певнов 2004, с. 376.

фиксами — отличить составной аффикс от несоставного способен только лингвист.

Итак, сравнение чжурчжэньских данных с данными других тунгусо-маньчжурских языков дает возможность обнаружить некоторые архаичные особенности, которые, вероятно, были свойственны морфологии тунгусо-маньчжурского праязыка.

Литература

- Аврорин 1961 — *Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Аврорин 2000 — *Аврорин В.А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.
- Аврорин, Лебедева 1978 — *Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
- Болдырев 1987 — *Болдырев Б.В.* Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987.
- Василевич 1940 — *Василевич Г.М.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, Ленинградское отделение, 1940.
- Головачев и др. 2011 — *Головачев В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.* Тырские стелы XV в.: перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011.
- Грамматика бурятского языка 1962 — *Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология.* М.: Издательство восточной литературы, 1962.
- Ивановский 1894 — *Ивановский А.О.* Mandjurgica. I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894.
- Константинова 1964 — *Константинова О.А.* Эвенкийский язык. М.–Л.: Наука, 1964.
- Липский — *Липский А.Н.* Ульчский словарь. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН), фонд 5, опись 1, дело 71.
- Орловская 1997 — *Орловская М.Н.* Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997.
- Певнов 2004 — *Певнов А.М.* Чтение чжурчжэньских писем. СПб.: Наука, 2004.
- Певнов 2008 — *Певнов А.М.* Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008, № 5.
- Полный маньчжурско-русский словарь 1875 — *Полный маньчжурско-русский словарь.* Составитель Иван Захаров. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875.
- Поппе 1927 — *Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927.
- Поппе 1931 — *Поппе Н.Н.* Материалы по солонскому языку. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1931.
- Сем 1976 — *Сем Л.И.* Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976.
- ССТМЯ 1975 — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.* Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1975.
- Суник 1948 — *Суник О.П.* О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках // Язык и мышление. XI. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.

- Суник 1985 — *Суник О.П.* Ульчский язык. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985.
- Эвенкийско-русский словарь, 1958 — Эвенкийско-русский словарь. Составитель Г.М. Василевич. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Цинциус 1949 — *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1949.
- Castrén 1856 — *Castrén M.A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856.
- Grube 1896 — *Grube W.* Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig: Kommissions-verlag von O. Harrassowitz, 1896.
- Ikegami 1997 — *Ikegami Jirō* 池上二良. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin = Uilta Kəseni Bičixəni = Uirutago jiten ウイルタ語辞典. Sapporo: Hokkaidō Daigaku tosho kankōkai 北海道大学図書刊行会, 1997.
- Ikegami 1999a — *Ikegami Jirō* 池上二良. Über die Herkunft einiger unregelmäßiger Imperativformen der mandschurischen Verben. In: Researches on the Manchu Language = Manshūgo kenkyū 満洲語研究. Tokyo: Kyūkoshoin 汲古書院, 1999.
- Ikegami 1999b — *Ikegami Jirō* 池上二良. The Manchu Prolative *deri*. In: Researches on the Manchu Language = Manshūgo kenkyū 満洲語研究. Tokyo: Kyūkoshoin 汲古書院, 1999.
- Ikegami 2001 — *Ikegami Jirō* 池上二良. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Researches on the Tungus Language = Tsungēsugo kenkyū ツングース語研究. Tokyo: Kyūkoshoin 汲古書院, 2001. P. 395–396.
- Janhunen 1991 — *Janhunen Juha.* Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finnougric Society, 1991. (Castrenianumin toimitteita; Vol. 40).
- Jin Guangping, Jin Qizong 1980 — *Jin Guangping* 金光平, *Jin Qizong* 金启祿. Nüzhen yuyan wenzhi yanjiu 女真语言文字研究. Beijing: Wenwu chubanshe 文物出版社, 1980.
- Jin 1984 — *Jin Qizong* 金启祿. Nüzhenwen cidian 女真文辞典. Beijing: Wenwu chubanshe 文物出版社, 1984.
- Kane 1989 — *Kane D.* The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989 (Uralic and Altaic Series; Vol. 153).
- Kim *et al.* 2008 — *Kim Juwon, Ko Dongho, Chaoke D.O., Han Youfeng, Piao Lianyu, Boldyrev B.V.* Materials of Spoken Manchu. Seoul: Seoul National University Press, 2008 (Altaic Languages Series; 1).
- Kiyose 1977 — *Kiyose G.N.* A study of the Jurchen language and script: reconstruction and decipherment. Kyoto: Hōritsubunka-sha, 1977.
- Laufer 1908 — *Laufer B.* Skizze der mandjurischen Literatur // Keleti Szemle. IX. 1908. P. 1–53.
- Ligeti 1953 — *Ligeti L.* Note préliminaire sur le déchiffrement des «petits caractères» jou-tchen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. III, fasc. 2, 1953.
- Ligeti 1960 — *Ligeti L.* Les anciens éléments mongols dans le mandchou // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. X, fasc. 3, 1960.
- Ligeti 1961 — *Ligeti L.* Les inscriptions djurtchen de Tyr. La formule *om mani padme hūm* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XII, fasc. 1–3, 1961.
- Poppe 1965 — *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.
- Poppe 1979 — *Poppe N.* Jurchen and Mongolian // Studies on Mongolia. Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979.